

қатынаста болатын кең ауқымды контекстке енетіндіктен, индивидтің табысы ретінде мағы-

наны көп функционалды жүйе ретінде айқындаймыз.

Әдебиеттер

- 1 Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. -2-е изд. – М.: Политич. литература, 1977. -304 с.
- 2 Леонтьев А.А. Деятельностный ум (Деятельность. Знак. Личность). – М.: Смысл, 2001. -392 с.
- 3 Оразов М. Қазақ тілінің семантикасы. -Алматы: Рауан, 1991. -220 б.
- 4 Залевская А.А. О межъязыковых сопоставлениях значений слова // Жалпы тіл білімі және түркі тілдерінің өзекті мәселелері. Халықаралық ғылыми-теориялық конференция материалдары. –Астана: Астана полиграфия, 2010. -470 б. -Б. 274-280.
- 5 Потебня А.А. Эстетика и поэтика. -М.:Искусство, 1976. -614 с.

Сөздіктер

- 1 Қазақ әдеби тілінің сөздігі. –Алматы: Дайк пресс, 2011. - Т. 14. – 773 б.
- 2 Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. -Алматы: Ғылым, 1982. - Т.6. – 775 б.

References

- 1 Leont'ev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. -2-e izd. –М.: Izd-vo Politich. literatura, 1977. -304 s.
- 2 Leont'ev A.A. Deyatel'nostnyj um (Deyatel'nost'. Znak. Lichnost'). – М.: Smysl, 2001. -392 s.
- 3 Orazov M. Қазақ тілінің semantikasy. -Almaty: Rauan, 1991. -220 s.
- 4 Zalevskaya A.A. О mezh'yazykovyh sopostavleniyah znacheniy slova // Zhalpy til bilimi zhәне түrki tilderiniң өзекti мәseleleri. Halyқаралық ғылыми-теориялық konferentsiya materialdary. –Astana:Astana poleography, 2010. -470 b. B. 274-280.
- 5 Potebnya A.A. Estetika i poetika. -M.:Iskusstvo, 1976. -614 s.

Sөzdikter

- 1 Қазақ әдеби тілінің сөздігі. –Алматы:Dayk press, 2011. -Т.14.
- 2 Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. -Almaty: Fylym, 1982. -Т.6.

УДК 82.0; 82.09

Ж.Х. Салханова

д.п.н., проф. КазНУ имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

К проблеме транскulturности и полиглоссии

В статье рассматриваются культурологические аспекты полиглоссии. Анализируются позиции ученых и писателей, формулируется точка зрения автора статьи. Определяется место русского языка в творчестве казахских авторов, создающих свои произведения на неродном языке. Отмечается, что взаимосвязь казахской и русской культур в сознании билингвальных авторов оказывает позитивное влияние на развитие национального сознания и литературное творчество.

Ключевые слова: национальное самосознание, транскulturность, полиглоссия, билингвизм, маргинальность.

Z.H. Salkhanova

About transcultural and multilingualism problem

In this article considers the cultural aspects of multilingualism. Also analyzes the positions of scientists and writers, stated opinion of the author of the article. It defines the place of the Russian language in the work of the Kazakh authors who create their works in a foreign language. It is noted that the relationship between the Kazakh and Russian culture in the minds of bilingual authors have a positive impact on the development of national consciousness and literary creation.

Keywords: national consciousness, transcultural, polyglossia, bilingualism, marginality.

Ж.Х. Салқанова

Трансмәдениет және көптілдік мәселесі туралы

Мақалада көптілдіктің мәдени аспектілері қарастырылады. Ғалымдардың және жазушылардың көзқарастары зерттеліп мақала автордың пікірі көрсетіледі. Өзге тілде жазатын қазақ авторларының шығармашылықтарындағы орыс тілінің орны анықталады. Екі тілде жазатын авторлардың ұлттық сана-сезіміне және әдеби шығармашылықтарына орыс және қазақ мәдениеттерінің өзара байланысының жағымды әсер етуі көрсетіледі.

Түйін сөздер: ұлттық сана-сезім, көптілдік, трансмәдениет, көптілдік, маргиналдық.

Национальное, как нравственная категория, есть проблема, касающаяся всех сторон бытия этноса. В условиях обновления общественной жизни она особенно актуальна, так как связана с особенностями этнографической трактовки национальной культуры, национального мышления, с психологическим складом нации и сферами сознания человека. Еще В.Г. Белинский в свое время писал о том, что искусство никогда не развивается независимо - одиноко: напротив его развитие всегда бывает связано с другими сферами сознания.

Национальное, как философская категория, представляет собой многие стороны жизни национальных общностей, воплощает многообразие индивидуального, особенного, отдельного, охватывает все богатство материальной и духовной жизни нации. При этом следует учитывать и то, что особенное и общее, национальное и инациональное явления органически взаимосвязанные. Утверждение инационального, общего в национальном - одна из важ-

ных закономерностей духовного развития общества.

Подтверждением данного тезиса является трансформация национального самосознания в творчестве русскоязычных писателей Казахстана, носителей «двойного культурного кода», когда инациональное и национальное, особенное и общее прорастают в органическое целое. В настоящее время сложилась русскоязычная ветвь казахской литературы, представленная творчеством авторов, которых называют «билингвальными», «транскulturными» представителями современной казахской литературы.

Первоначальный опыт казахской русскоязычной литературы, заложенный в творчестве Б. Момышулы, С.Санбаева, О.Сулейменова, активно подхваченный Б.Канпьяновым, Б.Каирбековым, А.Кодаром, А.Жаксылыковым и другими авторами, находит свое продолжение в произведениях новой генерации: Е.Аскарбекова, М.Исенова, А.Сабралиева и т.д. Национальные

мотивы и образы, мир кочевой культуры и традиций, ландшафтное мировосприятие, ментальность подтверждают кровную принадлежность писателей – билингвов к родной национальной стихии.

Известный литературовед и критик В.В.Бадиков, исследуя своеобразие творчества русскоязычных писателей и поэтов Казахстана, настаивал на термине «художественный билингвизм», который, по его мнению, «предполагает, прежде всего, владение двумя языками в эстетическом, творческом плане, хотя на практике мы нередко имеем по крайней мере два типа: неполное (одностороннее) двуязычие и полное (двустороннее), и звучит этот термин более нейтрально и типологично, чем «двуязычие» или «казахские русскоязычные поэты».

Исследователи и критики, подвергая описанию особенности художественных текстов «билингвальных авторов», создающих свои произведения на языке метрополии, все больше акцентируют внимание на явлении полиглоссии, ее месте и значении в национальном сознании художников слова. Весьма интересные взгляды на обозначенную тему выражает У.М. Бахтикереева, посвятившая ряд своих работ описанию особой функции русского языка в историческом процессе – выступать в качестве одного из средств выражения художественных образов иных культур. Ученый считает, что в настоящее время «можно вести речь о расширении поля филологической науки за счет русских текстов этнически нерусских писателей»[1,41].

Т.Толстая в своих работах ставит вопрос о статусе «имперского языка», которым в эпоху советской литературы был русский язык. Исследователь, относя к «имперским писателям» Ф.Искандера, Ч.Айтматова, А.Кима, замечает, что «имперские писатели – не те, кто выбрал сам дух империи, а, напротив, те, кто работал на стыке сопротивления и подчинения: сопротивления идеологии, подчинения языку. Провинциал никогда не забывал о своем происхождении. Подспудная, не сформулированная открыто мысль-чувство о своей первичной идентичности сохранялась».

О подчинении языка (но не языку) пишет М.В.Глостанова: «Какой бы язык не выбирали транскультурные писатели в результате создается почти всегда пространство бахтинской полиглоссии, транскультурный ливистроссовский бриколаж, а акцент смещается от искусной имитации имперского английского, французского, испанского, русского, к бесконечным

способам их разрушения изнутри, демонстрации разлагающейся природы языка, как части умирающего «тела» империи, наконец, к попыткам дать новый импульс языку путем гибридизации, «перекрестно опыления и других способов подчинения доминирующего языка» [2,36].

А что же сами писатели и поэты? Какова их позиция? Каким образом они объясняют наличие «двойного культурного кода» в своем творчестве? Как они трактуют специфику инонационального в национальном сознании? Обратимся к дневниковым записям одного из видных русскоязычных казахских писателей Мурата Ауэзова. Он пишет: «Пишу на русском языке, но не по-русски. Мой русский язык – неприятный, маленький костер, огня которого вполне достаточно, чтобы высветить определенный объем информации и лица собеседников. Русским языком творить казахское вольное слово попытка возможна, твердая решимость моя в том убеждает, но и сложна, хотя бы потому, что этот язык всегда ощущается мною как чуждый, способный выразить мое ожесточение, но не любовь, не чувства нежные, глубоко интимные, беззащитные в своей откровенности. Всегда находились, а порою и просто придумывались звукосочетания, фонетически близкие к словам сокровенным в тюркоязычной лексике. За этим не было сознательной позиции, осознанных протюркских настроений. Мы, русскоязычные казахи, начинали осваивать мир с помощью звуков, ритма, мелодики, знаков родной речи. В нашем русском языке, как правило, не функционируют с полной мерой нагрузки лексический слой детских слов, первых, крупных, святых»[3,193].

По мнению М.М. Ауэзова, ответы на вопросы, связанные с творчеством билингвальных авторов, можно получить при рассмотрении осознающей себя этнокультурной среды, непосредственно ее целенаправленных действий: «Конкретные условия определяют содержание этих действий, и опыт прошлого имеет для них значение отдельных аналогий, не более того. Вместе с тем, исторические факты говорят о том, что в ходе взаимодействия различных культур формируется особый тип личности, с деятельностью которой существенно связано состояние языковой ситуации, ее негативная или позитивная перспектива. Речь идет о так называемой «маргинальной личности», воспринимающей культуру, к которой принадлежит этнически, как бы извне, со стороны и потому –

крупномасштабно. В случае сознательной ориентации на участие в судьбах этой культуры она обладает ценнейшей предрасположенностью к целостному осмыслению ее состояния и перспективы в соотношении с другими культурами. Благодаря этому качеству маргинальные личности неоднократно исполняли в истории роль активных деятелей как в развитии одной, так и в процессе ее взаимосвязей с другими культурами» [3,208].

Мы солидарны с мнением М.М.Аузова в том, что именно ситуация «маргинальности» обуславливает различие таких понятий, как «сознание этнической принадлежности и национальное самосознание». Подлинно творческая личность с глубокой мировоззренческой позицией в маргинальной ситуации восходит к национальному самосознанию, преодолевая в себе двойственную неопределенность маргинальности. Национальный язык в этом случае становится объектом, на повышение общественной роли которого направлены все его усилия, хотя в собственной практике он может предпочесть тот язык, которым лучше владеет как средством достижения своих мировоззренческих идей. «Совокупная деятельность творческих личностей, преодолевших уровень маргинальности и обретших себя в качестве субъектов национальной культуры, способствует в конечном итоге снятию противоречий двумя ее «ветвями» и решению общих задач ее развития.

Известный поэт, переводчик, киносценарист, режиссер Бахыт Каирбеков, отмечает, что «два могучих крыла Пегаса» в равной мере питают его творчество. Поэт пишет: «Иногда меня спрашивают, почему я, владея казахским языком, не пишу на родном языке? Потому что знать язык и творить на нем – это разные вещи. Творить – означает не только совершенное знание языка, но обогащение его новыми образами с использованием всей палитры литературного языка. В моем случае я могу мыслить и писать на русском языке, ибо я воспитан на образной системе русской культуры и изначально впитываю казахскую образную систему через призму русского и европейского восприятия мира» [4,161].

Размышляя о феномене русской литературы Казахстана, Б.Каирбеков отмечает: «Это огромное богатство – чувствовать чужой язык и чужую культуру как свою. Жить поэтически на рубеже двух культур и двуязычия – всегда было перспективно и плодотворно для человека пишущего, а пишет он чаще на одном языке, но

мироощущение его базируется на двух пластах – изначально чужеродных, но именно соединяясь и сливаясь в душе поэта, они становятся взаимопроникающими и, конечно же, взаимообогащаемыми».

Поэт-переводчик выделяет две стороны процесса взаимовлияния: первое – осознание глубинных корней своего языка через призму другого языка, который всегда влиял на родной язык, и находки этого влияния превращают иной язык в инструмент опознавания «мин», ставших благодатными семенами настолько, что они уже практически не опознаваемы в русском языке, т.е. стали его корневой системой. Второй процесс – это узнавание художественных ценностей другой культуры, другого языка, и через это знание, помогающее ему снять шелуху повседневной лексики, создать произведение, позволяющее по-новому засиять исконной светозарной этимологии слова, которое проявляется в остром восприятии, казалось бы, обыденных слов. Таким образом, благодаря знанию и погружению поэта в чужую лексику, он «прозревает» свой язык».

Анализируя творчество русскоязычных поэтов, Б.Каирбеков отмечает, «что такие поэты как О.Сулейменов, обогащают и русский язык, и русскую культуру, и родной казахский язык, возвращая ему великие тюркские корни, способствуя рождению в казахской поэзии новой плеяды поэтов, опирающихся уже на новое прочтение собственного языка. Философ, переводчик, поэт Ауезхан Кодар, размышляя о том, как в его творческой судьбе соединились несколько ипостасей, говорит: «Все-таки я думаю, что во главу угла надо поставить мое двуязычие. Именно оно сформировало меня сначала как мастера художественного перевода, а потом и философа – интерпретатора текстов. Оно же приучило меня работать на стыке жанров, четко различая их границы...» [4,13].

Писатель и филолог Аслан Жаксылыков, говоря о неразрывной связи казахоязычной и русскоязычной литературы в художественном пространстве нашей страны, подчеркивает мысль о том, что переводческая деятельность писателей-билингвов органически дополняет творческую: «Будучи билингвами, они объективно предназначены для такого труда. Так русскоязычная часть нашей литературы работает на казахскую культуру, расширяя ее и пропагандируя, осваивая тонкости казахского языка. Насколько я знаю, большинство казахских ли-